

ОРИЕНТАЛИЗМ

Отражение «Другого»
Ориентализм и экспедиции модерна
в конце 19 – начале 20 вв.

Основная цель лекции: рассмотреть открытие «Другого» и его отражение в системе знаний доминирующей культуры периода модерна на примере научных путешествий и открытий второй половины 19 начала 20 веков.

В период модерна, подкрепленное промышленной революцией и колониальным доминированием, наряду с классическим, возникает и иное направление. Конечно, оно также не было свободно от предыдущего пласта информации и знания об Oriente.

Наряду с так называемым классическим представлением Ориентализма как научного направления можно выделить и иное. Речь идет, в частности, о знании, сформированном в результате экспедиций представителей Запада, на Востоке.

Например, в конце XIX – начале XX века европейские исследователи Азии активно изучали и использовали работы своих средневековых предшественников. В частности, А. Стейн в своей ключевой пятитомной работе «Сериндия» не раз обращался к наследию португальского монаха Б. де Гоэша, оставившего сведения о своих поисках пути в Китай, проходящего из Индии через Центральную Азию. Г. Е. Грум-Гржимайло, в свою очередь, также дает ссылки на исследования Б. де Гоэша, а также Н. Я. Бичурина. В этой связи следует отметить, что на протяжении почти полутора веков, по справедливому замечанию А. Е. Бернштама, имя Н. Я. Бичурина было незаслуженно забыто, а в Европе и вовсе неизвестно. Однако, исключительно богатое и значимое творческое наследие российского монаха, иакинфа Бичурина, проделавшего колоссальный труд по сбору, систематизации, переводу древнекитайских источников, в которых в том числе даются сведения о народах, обитавших в Центральной Азии, их военно-политической истории, обычаях, традициях, религиях и т. д., тем не менее получило свое отражение в российской историографии и на сегодняшний день заслуженно является классикой мировой синологии.

В целом, общий интерес европейских ученых к истории Востока, начатый с изучения индийского, китайского, исламского культурного наследия, в XIX веке и особенно к началу XX столетия стал приобретать отчетливые очертания. Данный период характеризуется в западной (европейской и российской) науке развитием классической ориенталистики, проведением ряда общих и специализированных археологических и иных экспедиций (в том числе военно-топографических и географических). Пионерами в данном направлении стали работы и экспедиции исследователей:

- Российских (Н. Я. Бичурин, Н. М. Пржевальский, Ч. Ч. Валиханов, Н. Венюков, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, Д. А. Клеменц, Г. Е. Грум-Гржимайло, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, С. Е. Малов и др.).
- Британских (многочисленной плеяды исследователей, особенно интенсивно работавших в период т. н. «Большой игры» – Р. Шоу, Ф. Тэйлор, Ф. Янгхасбанд, С. Бил, А. Стейн).
- Французских (Жюльен, Э. Шаванн, П. Пельо).
- Немецких (А. Грюнведель, А. фон Ле Кок).
- Шведских (С. Хедин).
- Японских (Отани Кодзуи) и других исследователей.

Необходимо отметить, что наблюдаемый в конце XIX – начале XX всплеск к истории и древностям Центральной Азии в результате находок европейских, российских ученых привел не только к последующему увеличению числа экспедиций, но и к своеобразной интернационализации усилий исследователей.

Возникли международные институты Ориентализма.

Стали проводиться уже всемирные конгрессы ориенталистов/востоковедов. По решению международного конгресса востоковедов, проходившего в Риме в 1899 году, «был учрежден «Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях»; при этом центральным комитетом Союза должен был стать русский комитет в Санкт-Петербурге».

Аурел Стейн

В сегодняшней лекции расскажем о наиболее выдающемся представителе такого рода знаний – Ауреле Стейне (Aurel Stein, 1862–1943).

Аналогичным образом наследие, пожалуй, наиболее известного исследователя региона – А. Стейна, которому удалось исследовать все оазисы Восточного Туркестана – также образует «золотой фонд» источников по истории Центральной Азии. А. Стейн является первооткрывателем знаменитой «Пещеры тысячи Будд» в Дуньхуане. По его выражению, «одни только уникальные и богатые в исполнении настенные фрески и скульптуры, большинство которых являют собой изящные образцы периода Тан, могли бы стать весомым основанием для археологического паломничества из Дальнего Запада. Здесь, в мае 1907 года, мне повезло стать первым европейцем, получившим доступ к огромному собранию древних манускриптов и предметов искусства различного рода, которые пролежали здесь сокрытыми и хорошо защищенными в молельнях, выбитых в скалах, на протяжении около девяти сотен лет. История о том, как мне удалось собрать здесь 24 ящика древних манускриптов, большинство на китайском языке, но также достаточно много и на санскрите, хотанском, кучанском, согдийском, манихейском, «руническом» тюркском, уйгурском и тибетском языках; а также 5 ящиков, заполненных живописью, вышивкой, текстилем и другими художественными подношениями буддийских верующих, подробно описана».

Богатейшая коллекция А. Стейна в настоящее время разделена между фондами Британской Библиотеки и музеями Индии, в частности, Национальным музеем Индии, где все еще предстоит провести каталогизацию. Здесь необходимо отметить, что сам А. Стейн в своей наиболее полной работе («Сериндия»), отразившей в том числе результате предыдущих экспедиций, дает подробный перечень (Описательный лист – Descriptive Lists) практически всех привезенных им материалов, систематизированных по видам источников, местам находок, т. д. Непосредственно после первой (1900–1901) и второй (1906–1908) экспедиций, а также в промежутке между ними и третьей экспедицией (1913–1916), А. Стейн тесно сотрудничал с Э. Шаванном (которому он посвятил «Сериндию») и Р. Хернле по анализу привезенных им рукописей.

«Другой» и экспедиции А. Стейна

Пятитомный труд А. Стейна «Сериндия» – великого путешественника и исследователя Центральной Азии является вершиной научных поисков и изысканий британской и шире – европейской – школы исследователей.

В своей работе весьма интересным предстают описания автором своих путешествий по территории современного Синьцзяна, дающие представление, в контексте нашей темы, о специфике религиозной традиции его жителей. Особенно интересно то, что данные особенности автор рассматривает на примере жизни и верований киргизов/казахов.

Во время своего путешествия в районе Уч-Турфан в 1906–1908 гг. А. Стейн, чьими проводниками в основном были киргизы, предлагает краткие заметки-описания, дающие яркое представление о живучести примордиальных верований в религиозных представлениях киргизов/казахов. С другой стороны, как россыпи, в его работе можно обнаружить и факты, свидетельствующие о взаимовлиянии различных культурных традиций.

Как он отмечает, «11 мая я отправился из Уч-Турфана и после того как достигнул разрушенную башню Конгтай, вышел на открытую и пустынную долину. С левой стороны от нее раскинулась на протяжении более чем 20 миль гряда гор, возвышающихся все выше и выше, пики которых украшал снежный покров.. Я обнаружил, что несколько киргизов, которые со своими стадами располагались на склонах гор и в долине, знали эти горные кряжи под названием Кака-йаде и относились к ним с величайшим почтением. Видя эти горы, возвышающиеся надо мной, я не мог отделаться от ощущения, что именно здесь могла зародиться легенда, относящаяся к Уч-Турфану. От проводника-киргиза, Мангуш-бека, я услышал легенду о драконе, обитавшем в

этих горах, который время от времени давал о себе знать, появляясь в виде облаков, испускающих ливни и огонь. Истории, рассказанные им и другими киргизами, ярко воспроизвели в моем сознании легенды, рассказанные ранее китайскими пилигримами, о драконах, обитающих на снежных вершинах Памира над перевалами Гиндукуша. Данное сходство, вероятно, является ярким доказательством отношения древних народов к горам, как в Центральной Азии, так и в других регионах, безотносительно к расовым и иным различиям».

«10 миль от Сарыбеля мы достигли пастбища Чалкойде, расположенного на уровне около 6700 футов, и здесь, к моему удивлению, я обнаружил древний «Зиярат», расположенный на вершине небольшого холма. Высоко над ним, по линии горной гряды, пики которых наблюдали перевал, ведущий к Идак-джилга, резко выделялся склон; который в набожных глазах киргизов предстал в виде древнего героя по имени Каз-ата. Мое внимание особенно привлекла каменная стела в виде фигуры мужчины, державшего загнутый меч и со скрещенными руками на груди. На глазах и бровях были видны следы краски.

Тот факт, что данное изображение, чтобы оно ни представляло, являлось объектом доисламских верований, не вызывает сомнений...

Наиболее удивительным моментом для меня в этом незнакомом «зиярате» Чалкойде было пространство вокруг него, заполненное, как обычно в этих местах, подношениями в мусульманских святынях, рогами баранов, архаров, диких козлов, черепами лошадей, ковриками, т. д. Не было сомнения в том, что поклонение в данном месте было делом настоящего, несмотря на протесты мулл из Уч-Турфана, о которых мне рассказал Мангуш-бек. Он объяснил, что до недавнего времени поклонение на этом «зиярате» было обычным делом среди киргизов, живущих на близ расположенных пастбищах. Много людей приходило сюда и из отдаленных долин, все мусульмане, которыми являлись эти киргизы на протяжении многих поколений. Мне было сказано, что в настоящее время люди только старшего поколения взбираются сюда, чтобы помолиться у святого места; но даже и в этом случае никто не осмеливается ступить на данное окружающее пространство. Удивительно, что высеченная из камня фигура, по мнению Мангуш-бека, представляет женщину по имени Кувагиз, жену древнего героя Каз-аты, чей образ, как предполагается, был представлен в виде склона на горе. Запутанная традиция, в которую я не буду сейчас вдаваться, по-видимому, связывает между собой два изображения. Связь, может быть, обскуренная, достаточно показывает, что существующее здесь место поклонения корнями своими уходит в поклонение естественным элементам, или сваямбху тиртха, используя санскритскую терминологию, традицию, столь знакомую по индийской фольклорной традиции, как древней так и современной, а также которую буддистский локальный культ всегда готов принять».

Как отмечал сам А. Стейн, он был исключительно благодарен Э. Шаванну, который в кратчайшие сроки, практически за год, смог изучить и написать работу «Китайские документы, открытые А. Стейном», опубликованную в 1913 г.

В свою очередь, А. Р. Хернле проводил языковые исследования привезенных материалов. «Находясь на посту главного палеографа Индии (Британской Индии – Л. Е.), Р. Хернле собрал значительную коллекцию рукописей», ныне хранящуюся в Британской библиотеке, однако, каталог их еще не составлен.

Французские исследователи Центральной Азии – Э. Жюльен, Э. Шаванн, П. Пельо – внесли неоценимый вклад в центральноазиоведение, синологию, тибетологию, буддологию. Проведенные ими экспедиции и анализ письменных источников и артефактов позволяют говорить об интенсивных контактах, существовавших на территории Западного Китая, нынешнего Синьцзяна, в первом – середине второго тысячелетия н. э. В частности, изученные ими эстампажи надписей на китайском, маньчжурском языках, высеченных на каменных плитах, свидетельствуют о значимости буддизма в китайской культурной традиции (когда на камнях высекались тексты священных сутр, в частности, «Праджняпарамитысутры»), о роли ислама (на одном эстампаже содержится, например, план мечети в Китае), о наследии Чингисхана и империи монголов-татар (указы Чингисхана) и др.

В целом, найденные, описанные, изученные яркой плеядой данных исследователей артефакты, зафиксированные позднее в многочисленных книгах – отчетах своих нескольких

экспедиций – дают представление о широком массиве письменных документов, артефактов, монет, фрагментов фресок, скульптур, малых пластических форм и т. д.

Все это позволило по-новому взглянуть на историю и культуру Востока, в частности, Центральной Азии, Китая, Индии, как имеющей колоссальное значение для развития мировой культуры. Как часть всемирного культурного наследия, притом, такую, которая говорит сама за себя. Она не требует особой интерпретации посредников, она самодостаточна, величава и проста одновременно, она изысканна и развита. Она и есть цивилизация. И эта цивилизация древности сегодня предстала перед европейским и западным взором, равно как и восточным.

Здесь также, в соответствии с логикой Саида, можно сказать, что ориентализм тройственным образом воздействует – на Восток, на ориенталиста и на западного «потребителя» ориентализма». Однако возникающий при этом дискурс смещен – данный подход реализуется не сверху вниз, с позиций культурного доминирования одной культуры и подчинения другой. Нет. Здесь виден равный взгляд, который только и позволяет говорить о диалоге. Это уже иной дискурс и иные Запад и Восток. Поэтому правомочно задаться вопросом о том, можно ли считать данный взгляд Ориентализмом в том понимании, в котором это рассматривал Саид? Или это же нечто иное? Или это лишь разновидность, часть более общего дискурса?

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. Подготовьте обзор путешествий и творчества А. Стейна.
2. Осветите основные европейские школы ориентализма (британскую, французскую, немецкую, русскую).

Задания для самостоятельного выполнения

1. Подготовьте эссе о создании и деятельности Археологической службы Индии как пример институтов ориентализма.

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Stein A. Serindia. Vos.1-5. Oxford: Oxford University Press, 1921.
3. Keay J. To Cherish and Conserve. The Early Years of the Archeological Survey of India. New Delhi, 2011.